

Б. В. Марков (СПбГУ)

ОБРАЗОВАНИЕ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Тема образования в философии наиболее громко звучала именно тогда, когда оно приходило в упадок и все осознавали опасность бестиялизации человека. В тревожные периоды кризиса античной демократии Платон говорил о необходимости философского образования правителей и в своем «Государстве» предложил фундаментальный проект непрерывного образования, способствующего процветанию полиса. Поиному на имперскую политику «хлеба и зрелищ» отреагировали римские гуманисты: кровавым зрелищам они противопоставили слово и текст, считая, что они цивилизуют человека. С тех пор гуманистическая система образования зиждется на чтении лекций и изучении классических трудов. Она становится государственным институтом, ибо способствует укреплению солидарности на основе разума и морали. Это соответствовало духу Нового времени. Национальное государство в эпоху рыночной экономики вынуждено было секуляризировать религию и одновременно найти новые основы укрепления единства людей. Так школа стала государственным институтом, в рамках которого достаточно органично соединялись знание и мировоззрение, прагматизм и патриотизм, рациональная наука и литература. Известное немецкое изречение о том, что войну выигрывают учителя гимназии, раскрывает секрет государственной системы образования.

Сегодня, кажется, наступает конец этой трогательной идиллии: кризис охватил национальное государство и как следствие саму систему образования. Возможно, она обречена, и ее уже нельзя спасти. Классическая система образования становится очередной жертвой глобализации. Поэтому сегодня значительная часть трезвомыслящих людей, озабоченных спасением образования, пытается использовать все возмож-

ные средства: с одной стороны, традиционные лекцию и книгу, а с другой стороны, компьютер.

Феномен гуманизма интересен сегодня как раз тем, что заставляет обратить внимание на две образовательные власти, под давлением которых находился человек в эпоху высокой культуры. Речь идет о запрети-тельных и разрешительных стратегиях. Гуманизм исходил из влияния на человека его животного начала, он с ложной невинностью напоминал ему о битве, которая происходит между тенденциями бестиализации и приручения. Скрытая тема гуманизма – одичание человека, скрытое предположение – приручают лекции. Во времена Цицерона эти две тен-денции еще легко идентифицируются, так как обе поддерживаются со-ответствующими медиумами. Одичание происходило благодаря амфи-театрам, где бились звери и люди, и это легко инсталлировалось в со-временные масс-медиа. На самом деле эти бестиализирующие зрелища были частью имперской техники власти, с помощью которой она управ-ляла коллективным телом толпы. Античный гуманизм был восстанием книги против амфитеатра, попыткой воздействовать на одичание по-средством лекционной дисциплины. То, что образованные римляне на-зывали *humanitas*, было невысказано без театра жестокости. Развитие че-ловеческой природы виделось в обращении к приручающим медиумам, к успокаивающим книгам, а не зрелищам, исторгаящим животный вопль.

Речь идет об антроподицее, об определении человека в свете его биологической открытости и моральной амбивалентности. Прежде всего встает вопрос о том, как человек станет истинным, действительным че-ловеком. Он предполагает вопрос о медиумах, о средствах, при помощи которых человек может образовать себя тем, кем он может быть.

Какой бы могла быть система образования, если исходить не столь-ко из функциональных, сколько, так сказать, из антропологических тре-бований? Школа и вуз остаются в сознании человека символом репрес-сивности потому, что они берут на себя, так сказать, первый удар жизни и, несомненно, жестко, не без садизма занимаются «трансфером» – пре-образованием ее энергии и подключением к энергосистеме Левиафана. Систему образования можно смягчать, строить на основах партнерства, диалога, любви и взаимного признания, если в жизни имеются места для приложения культурных и нравственных ценностей. При этом воспита-ние строится не только на открытии истины, но и на дрессуре. Послед-ние истины недоказуемы, и никакой даже самый умный профессор не способен видеть то, чего не видят другие. Убедительность его речей подкрепляется экзаменационной системой. И хотя чувствительным сту-дентам это кажется какой-то инквизицией, однако истина и добро сами по себе совершенно бессильны. Они становятся нормами действия сна-

чала в процессе принуждения и лишь значительно позже – в результате осознания и свободного выбора.

До тех пор, пока тепличные условия «гуманистической школы» не станут всеобщими, система воспитания должна предвидеть зло жизни. Есть микробы, необходимые для сохранения иммунной системы. Для того чтобы образованные автономные индивиды могли не только служить в армии и выполнять приказы, но и нести тяготы социальных преобразований, необходимо сохранение архаичного опыта. Он должен не столько искореняться, сколько прививаться студентам, живущим в искусственных, профилактических условиях, чтобы они могли выживать в семье, в школе и в казарме. Таким образом, речь идет о сохранении в системе образования некоторых доз зла. Они необходимы. Моралисты осуществляют профилактику жизни на словах. Они говорят и приучают говорить светлое и чистое и поддерживают иллюзию, что мы живем в обществе, где соблюдаются права человека и гарантированы основные свободы. Но на самом деле мы, как бульдозером, только сгребли кучи грязи на обочины. И поскольку, кроме сохранения старых; общество постоянно производит новые опасности и нерискующее поведение невозможно, постольку необходимо подготовить человека к тому, как жить со злом.